

В.П.Кирилко

АСПРЫ С БОЛЬШИМ «Т» НА ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЕ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

V.P.Kirilko Aspres with Capital T on the Obverse: the Experience of Interpretation

The T formed symbol, which was the constant basic element of all official monograms of the princes of Crimean Gothia could be a full semantic equivalent of capital T on aspres. The possible genetic relations of the Mangup rulers with Circassians of Taurika cannot be excluded.

В 1899 г., классифицируя генуэзско-татарские аспры Каффы, Э.Ф.Ретовский впервые выделил в самостоятельную группу три монеты (рис. 1: 1, 6, 7), на лицевой стороне которых вместо традиционного изображения портала была помещена большая буква Т в круге (Ретовский 1899: 50 – 52, табл. V, 18 – 20). Обрамлявшие знак остатки латинской легенды, по мнению ученого, указывали на то, что монеты чеканены западными европейцами, владеющими какой-то территорией в пределах Золотой Орды, конкретизировать которую не позволяла плохая сохранность надписи. Наличие на аверсе большой буквы Т дало исследователю основание с определенными оговорками высказать предположение о возможной связи данной серии аспров с Таной. Впоследствии им были опубликованы новые варианты этого монетного типа (рис. 1: 2 – 5), общее число которых достигло семи (Ретовский 1906: 69-71, табл. VI.1-5; 1914: 16, табл. 1. 6-7). Сопоставляя все известные экземпляры монеты, нумизмату удалось реконструировать легенду лицевой стороны: IMPERATOR. Однако и этого оказалось недостаточным, чтобы выяснить их происхождение.

На реверсе указанных монет в таком же круге, обрамленном арабской надписью, помещена тамга Золотой Орды, в нумизматической литературе известная как «главная, великая тамга», или «тамга дома Бату» (Лебедев 1990: 140 – 145). В одном из вариантов номинала используется джучидская (общекипчакская) тамга. Легенду реверса ученый прочесть не смог, но им было отмечено определенное сходство этого монетного типа с генуэзско-татарскими аспрами Каффы времени правления золотоордынского хана Улуг Мухаммеда (1419 – 1426, 1428 – 1436 гг.) и миланского герцога Филиппо Мариа Висконти (1421 – 1435 гг.).

Э.Ф.Ретовский вопрос атрибуции аспров с большим Т в круге на лицевой стороне оставил открытым, но с легкой руки нумизмата и другие ученые вскоре стали связывать их эмиссию с Таной (Якобсон 1964: 111; Lunardi 1980: 36 – 37, 120 — 121). Тем не менее в самой Тане монеты этой группы до сих пор не найдены (Фомичев 1991: 334 — 335)¹. Не известны они и в других местах вне Крыма, что, учитывая замкнутый характер денежного обращения Таврики в XV в. (Федоров-Давыдов 1960: 129; Слепова 1986: 22 – 30; Еманов 1997: 39), дает основание ограничить круг поиска возможного эмитента территорией полуострова. К тому же на хронологически близких монетах генуэзских колоний в соседних регионах большая буква аверса в качестве основного элемента композиции обычно соответствует первой букве имени монетного сеньора, но никак не города (Lunardi 1980: G 6, 8, 12, 15, 23. Ср.: P 1, 2; S 19 – 25; F 1).

В Хазарии смысловым эквивалентом большого Т аспров вполне мог быть Т-образный знак, который является неизменной основой всех официальных монограмм князей Крымской Готии (рис. 2: 1 – 5, 8 – 10). Его семантика не ясна.

По мнению В.Л.Мыца, этот знак представлял собой лигатуру Т и Г – начальных букв фамилии правящей на Мангупе династии Гаврасов-Тиронинов, появившихся в Крыму на рубеже XII – XIII вв. и ставших в XIV в. во главе феодального государства Феодоро (Мыц 1985: 53 — 54). Но последнее, из гипотезы А.А.Васильева со временем превратившееся в аксиому, как, впрочем, и предположение Я.Ф.Фальмерайера о родстве Гавров с Таронитами, пока не находит подтверждения ни в одном из известных источ-

¹ Сердечно благодарю Н.М.Фомичева за консультацию по вопросам монетного дела Таны.

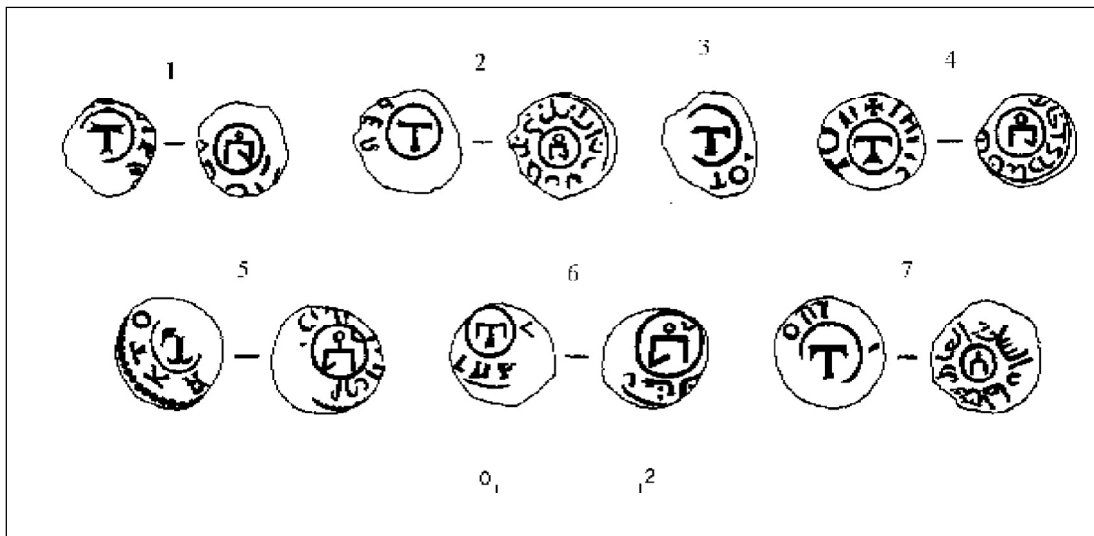

Рис. 1. Основные варианты аспров с большим Т (по Э.Ф.Ретовскому)

ников (Степаненко 1990: 87 — 95). К тому же указанные семейства принадлежали к числу достаточно знатных родов, чтобы не быть упомянутыми номофилаксом Иоанном Евгеником в «Песне над гробом княжича» при представлении ближайших мангупских родственников усопшего (Спиридонов 1928: 94-96).

В.А.Сидоренко аналогичный знак фунской надписи (рис. 2: 1-3) а рiогi трактует как «сокращение титула деспот». Подобная интерпретация вызывает лишь недоумение, равно как вне всякой критики и предложенная им же расшифровка двух монограмм херсонесской плиты (рис. 2: 9, 10), в которых он умудрился увидеть имена татарского хана Менгли Гирея и «некоего Михаила Дуки, представителя знатного византийского рода» (Сидоренко 1993: 159)².

О правителях Крымской Готии из того, что хоть как-то позволило бы приблизиться к разгадке закодированной в знаке информации, известно очень мало.

² Не менее спорны и другие выводы автора указанной статьи, в частности, о принадлежности средней монограммы фунской плиты (рис. 2: 2) Хаджи Гирею. Исходя лишь из общих соображений, исследователь придает своей версии качества аксиомы. Но даже если, допустим, можно согласиться с его утверждением, что Александр признавал вассальную зависимость от Хаджи Гирея, то это отнюдь не свидетельствует о неизбежности помещения монограммы (?) последнего, да еще в сопровождении титула деспот (?), на строительной надписи 1459 г. из Фуны. К тому же для образующих данную монограмму букв (М, А, Х, Л или Д) более естественной и приемлемой является их трансформация в имя Ἀχματός (Мыц 1991а: 192) либо Μάλαχος (Μάλαχιος), чем Ἀτζικεριές. Справедливости ради следует отметить также и то, что предположение о заключенном в первой монограмме херсонесской плиты (рис. 2: 8) имени ИСААК задолго до В.А.Сидоренко высказал А.Л.Якобсон (1950: 44), о чем многие, к сожалению, уже успели позабыть. Позднее, публикуя чаши Исаака из раскопок ман-

Итальянские источники, сообщая о захвате Алексеем Чембало в 1433 г., говорят о нем как о «некоем благородном муже греческого происхождения, который в народе зовется владыкой Лотедоро и имя которого Алексей» или как о «благородном греке, именуемом Алексеем, князем Феодоро», или же просто называют его «Алексей, некий грек, князь Феодоро» (Vasiliev 1936: 206).

Ненамного конкретнее и Иоанн Евгеник (Спиридонов 1928: 93 — 95). В эпитафии умерший княжич представлен им как «отпрыск от благородного корня». При этом Иоанн и Алексей, соответственно отец и дед покойного, наделяются самыми лестными эпитетами и сравнениями, риторический поток которых не содержит даже малейшего намека на их фамилию. В очередной раз подчеркивая благородство и древность рода, номофилаксы, тем не менее, явно не без веских на то оснований, обходит стороной вопрос происхождения мангупских князей, тог-

гупского дворца, А.Л.Якобсон испытал некоторые затруднения с интерпретацией титула этого правителя Феодоро, представленного на сосудах аббревиатурой (рис. 2: 7). Из двух возможных вариантов чтения ΑΥΘ·Φ(ΚΡΑ)ΤΩ и ΑΥΘΕΤΩ ученый отдал предпочтение первому, обосновывая свой выбор тем, что в надписи «буква Ε не имеет горизонтальной черты, а буква Ν недостаточно ясно выражена» (Якобсон 1953: 414 — 415, Рис. 13.3; 32). Вскоре эту точку зрения приняли и другие исследователи (Мыц 1991а: 183). Тем не менее, ее нельзя признать достаточно убедительной, поскольку незаконченный вид имела также буква Т на одной из чаш (Якобсон 1953: Рис. 13.3), а в последнем знаке второй строки и в обоих случаях изображена не ω, но именно лигатура Ε и Ν, причем Ν прочерчена вполне отчетливо и не вызывает никаких сомнений. Следовательно, на данных изделиях Исаак, подобно правившим до него Алексею и Иоанну, представлен как (αὐθέντης). В этом качестве он упомянут также еще одним источником — эпитафией Влада из Сучавы (Batariuc 1993: 230).

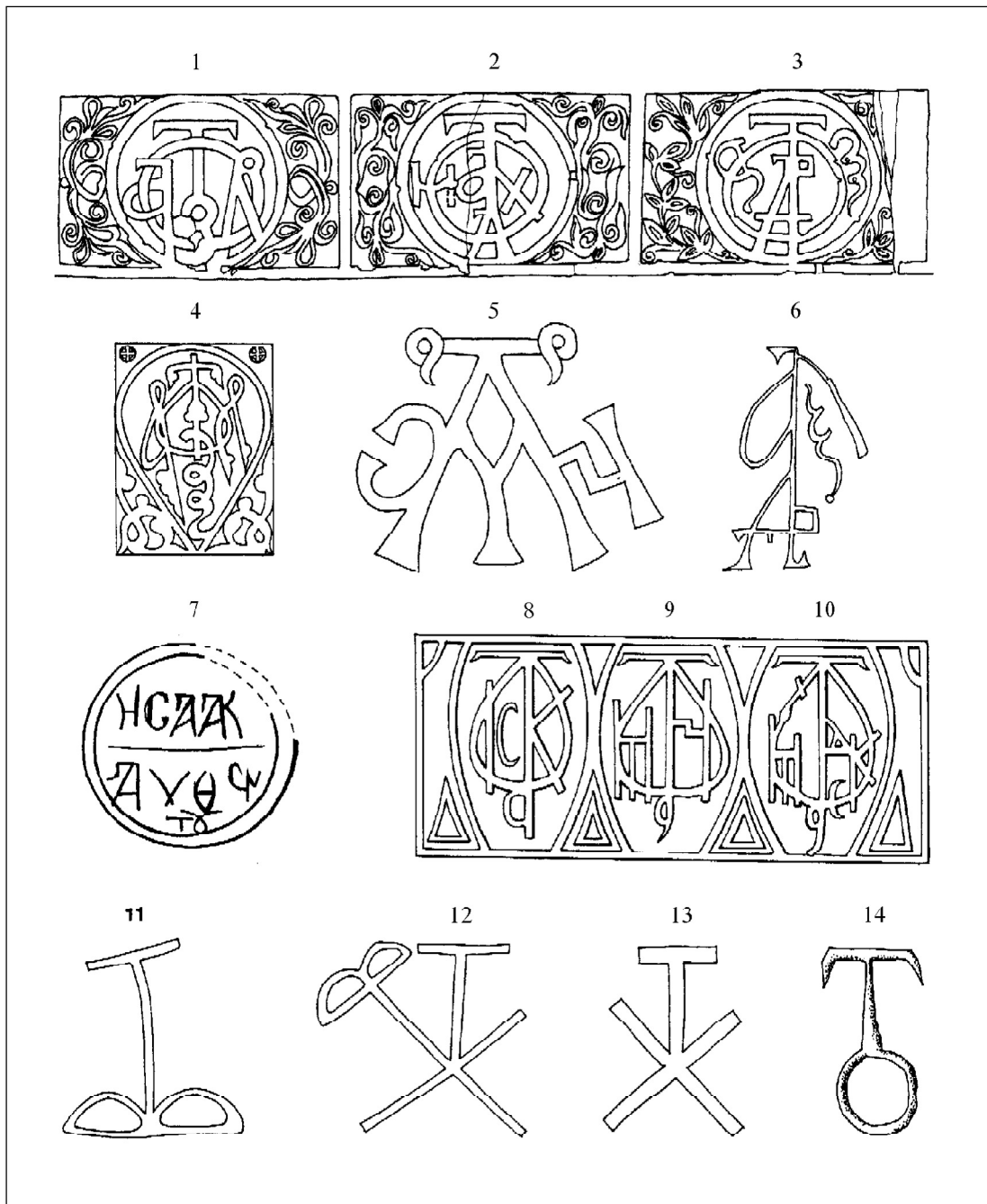

Рис. 2. Монограммы строительных надписей Фуны (1 – 3), Мангула (4) и Херсонеса (8 – 10), надгробной пелены Марии из Путны (5), поливной керамики из раскопок Фуны (6, 11) и Мангула (7, 12, 13), метка на одном из камней гробницы VII у Мангупской базилики (14): 1 – 3, 6, 11 – 13 – по В.Л.Мыцу, 5 – по Э.Тафрали, 7 – по А.Л.Якобсону, 8 – 10 – по Палласу, 14 – по М.А.Тихановой.

да как родословная матери усопшего, хотя в песне речь идет собственно и не о ней, дана и по мужской линии, и по женской, причем особо отмечено ее родство с императрицей. Браки детей Алексея, около 1425 г. – Иоанна и в 1426 г. – Марии, в какой-то мере приблизили его к порфирородным, что вскоре нашло отражение в геральдике феодоритов (Степаненко 1997: 76 – 77), а позднее позволило М.Броневскому со ссылкой на одного старого священника утвер-

ждать, что последние греческие правители княжества «верно происходили от крови Константинопольских или Трапезундских государей» (Описание Крыма 1867: 344). Несколько неожиданную информацию содержит молдавско-немецкая летопись 1457 – 1499 гг. (Славяно-молдавские летописи 1976: 49). В этом документе мангупская княжна Мария, которая, судя по гермам и монограммам (рис. 2: 5) ее надгробной пелены из Путны (Tafrali 1925: 51 –

55, pl. XLIII; Buchtal 1984: 97) и надписи в наосе католикона афонского монастыря Григориу (Божиллов 1994: 416), к тому времени уже считала себя Асаниной Палеологиной, названа черкешенкой. Странное только на первый взгляд свидетельство хроникера получает логическое продолжение в письме Закариа Гизольди от 12 августа 1482 г. (Vasiliev 1936: 240 — 241). Жалуюсь протекторам Банка св. Георгия на каких-то готских князей, нашедших убежище в Матреге, одного из них он иногда называет черкесом, что для адресанта, самого — сына адыгской княжны (Некрасов 1990: 66 — 67), вряд ли было случайным. Закрывает цепочку сообщение М.Броневского о том, что Мангуп турки именовали «Черкессигерменом, то есть новою Черкесскою крепостью» (Описание Крыма 1867: 344). Даже если польским послом была неправильно истолкована полученная информация либо ошибся переводчик, в целом это особо не меняет сути дела, поскольку до недавнего времени греческое село с аналогичным названием имелось неподалеку, у Эски-Кермена. Более важным является другое. Сейчас в Крыму известно 14 топонимов с компонентом «черкес», основная часть которых сосредоточена в юго-западном регионе полуострова («Крымская Кабарда»), где, судя по материалам археологических раскопок, уже в XIV — XV вв. могла проживать компактная группа адыгов (Мыц 1991б: 81 — 82; Суперанская, Исаева, Исхакова 1995: 17, 95). В принципе, нет ничего необычного и невероятного в эвентуальной генетической связи мангупских князей с черкесами Таврики, появление предков которых здесь, видимо, следует относить ко времени Хазарского каганата. По крайней мере, в этом случае становится более понятным и несколько объяснимым ряд аспектов средневековой истории Мангупа, а именно: северокавказское происхождение части меток на известняковых блоках из оборонительных стен (Герцен 1990: 116 — 118, рис. 16 — 18); негреческие имена

сотников Хуйтани и Чичикия, во второй половине XIV в. восстанавливавших крепость, причем последнее имеет грузинские параллели (Латышев 1896: 54; Успенский 1929: 113); приоритетность топонима Мангуп по отношению к Феодоро при внешних контактах феодоритов, тогда как генуэзцы отдавали предпочтение новому названию города; особый статус княжества в Хазарии: мангупские правители, если и не состояли в родственных отношениях с крымскими ханами (а косвенно об этом свидетельствует появление тамги Гиреев на монограмме Александра — рис. 2: 6) (Мыц 1991а: 192, рис. 3, 4—5), то, безусловно, находились под их покровительством, о чем в августе 1455 г. консул Каффы в донесении с жалобой на Алексея и его братьев довольно красноречиво сообщает протекторам Банка св. Георгия: «Они хвастают, что пока жив их отец и владыка хан татарский, они никого не боятся» (Малицкий 1933: 39 — 40). В этом ключе, видимо, следует рассматривать и семантику геральдики феодоритов. Тем более, что сочетание Т-видной фигуры с кругом является основным формообразующим элементом многих фамильных знаков западнокавказских горцев (Фелицын 1889: 56, др.), причем у Абуко, одного из дворянских родов племени Кабертай Адыгского народа, тамга имеет композицию, тождественную символу, изображенному на лицевой стороне атрибутируемых аспров.

К сожалению, уровень современных знаний о родовом древе мангупских князей таков, что на данном этапе исследований исключает даже самую вероятность какой-либо однозначной трактовки основы их монограмм. Приведенная же выше разрозненная мозаика фактов и предположений имеет своей целью, прежде всего, хотя бы в общих чертах наметить возможные исходные позиции гипотезы о чеканке монетным двором Каффы специальной серии аспров для Крымской Готии.

ЛИТЕРАТУРА

- Божиллов И. 1994. Фамилията на Асеневици (1186 — 1460). Генеалогия и просопография. София.
- Герцен А.Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. I. С. 87 — 166, 242 — 271.
- Еманов А.Г. 1997. Образование городской коммуны Каффы (до сер. XV в.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург.
- Латышев В.В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.
- Лебедев В. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. С. 139 — 156.
- Малицкий Н.В. 1933. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 71. С. 39 — 40.
- Мыц В.Л. 1985. Поливная керамика с монограммами из раскопок Мангупа и Фуны // Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения»: Тез. докл. Тбилиси. С. 52 — 54.
- Мыц В.Л. 1991а. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV — XV вв. // Византийская Таврика. Киев. С. 179 — 193.
- Мыц В.Л. 1991б. О пребывании «черкесов» в Крыму: Тез. докл. научн. конф. «Проблемы истории Крыма». Симферополь. I. С. 81 — 82.
- Некрасов А.М. 1990. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.). М.
- Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского. 1867 // ЗООИД. VI.
- Ретовский Э. 1899. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК. 29.

- Ретовский Э.Ф. 1906. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. 18.
- Ретовский Э.Ф. 1914. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. 51.
- Сидоренко В.А. 1993. Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. III. С. 145 – 161.
- Славяно-молдавские летописи XV – XVI вв. 1976. М.
- Слепова Т.И. 1986. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII – XV вв. // ТрГЭ. XXVI.
- Спирidonov Д.С. 1928. Заметки из истории эллинизма в Крыму // ИТЭИАЭ. II. с. 93 - 102.
- Степаненко В.П. 1990. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии // Историография балканского средневековья. Тверь. С. 87 – 95.
- Степаненко В.П. 1977. Князя Феодоро и византийская аристократия XV в. // Международная конференция «Византия и Крым»: Тез. докл. Севастополь. С. 76 – 77.
- Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исакова Х.Ф. 1995. Введение в топонимию Крыма. М.
- Успенский Ф.И. 1929. Очерки из истории Трапезундской империи. Л.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет // НЭ. 1.
- Фелицын Е. 1889. Сборник тамг или фамильных знаков западнокавказских горцев и племени Кабертай Адыгского народа // ЗООИД. XV. С. 503 – 504. и др.
- Фомичев Н.М. 1991. О денежном обращении средневекового города Азова в X – XV веках: Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византистов. М. Т. I. С. 334 – 335.
- Якобсон А.Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.) // МИА. – 17.
- Якобсон А.Л. 1953. Дворец // МИА. 34. С. 390 – 418.
- Якобсон А.Л. 1964. Средневековый Крым. М. – Л.
- Batariuc P.-V. 1993. Necropola medievală de la Suceava – Câmpul Șanțurilor // AM. XVI.
- Buchtal H. A 1984. Greek New Testament Manuscript in the Escorial Library // Byzanz und der Westen. Wien.
- Lunardi G. 1980. Le monete delle colonie genovesi. Genova.
- Tafrafi O. 1925. Le trésor byzantin et roumain du monastere de Poutna. Paris.
- Vasiliev A.A. 1936. The goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts.